

Научная статья

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-19

EDN: UXECIT

Своя «чужая бабушка»: сюжет обретения прародителя в современной отечественной прозе для детей и подростков

Жанна Константиновна Гапонова¹, Елена Викторовна Никкарева^{2✉}

¹Кандидат филологических наук, декан факультета русской филологии и культуры, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1

²Старший преподаватель кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1

¹jangap1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

²enikkareva@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

Аннотация. В современной прозе для подростков одним из распространенных сюжетных мотивов остается преодоление героем одиночества на пути взросления. В статье на материале произведений современной прозы для подростков, в которых высвечивается несостоительность родителей, на первый план выходят образы замещающих прародителей (бабушки или дедушки). Статья посвящена рассмотрению особенностей формирования особой модели отношений между поколением потенциальных прародителей и поколением внуков, которую по аналогии с замещающим родительством авторы определяют как замещающее прародительство. Сюжет взросления в этом случае реализуется как альтернативный эскапистскому дискурсу нарратив поиска «своей» бабушки или «своего» дедушки. Тенденция преодоления дихотомии «свой – чужой» и формирования представления о прародительстве как ценности в целом соответствует и современным практикам социализации, когда в обществе приобретает популярность поиск бабушки и / или дедушки для ребенка, развиваются проекты по созданию приемных семей для пожилых людей. Авторы приходят к выводу, что сюжет обретения «своего» прародителя как вариативная сюжетная модель может рассматриваться в качестве способа презентации в отечественной прозе для подростков прародительского текста, в котором концептуально-архетипическая и аксиологическая направленность получает конкретно-образное воплощение на сюжетно-композиционном, хронотопическом, мотивном и др. уровнях развертывания художественного дискурса. Авторы акцентируют внимание на том, что преодоление отношения к другому (изначально не своему) как к чужому реализуется в произведениях через присвоение внуками-преемниками характерных для прародителей выражений и оборотов речи, через изменение системы наименований, показывающих теплое отношение приобретенных родственников друг к другу, сюжетно.

Ключевые слова: прародительский текст; аксиологический код; сюжет; замещающий прародитель; В. Ошева; А. Кашура; И. Данилова; А. Зенькова

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01541, <https://rscf.ru/project/25-28-01541/>

Для цитирования: Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В. Своя «чужая бабушка»: сюжет обретения прародителя в современной отечественной прозе для детей и подростков // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 19–27. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-19>. <https://elibrary.ru/UXECIT>

Original article

One's own «someone's grandmother»: the plot of finding the progenitor in modern russian prose for children and teenagers

Zhanna K. Gaponova¹, Elena V. Nikkareva^{2✉}

¹Candidate of philological sciences, dean of the faculty of russian philology and culture, associate professor at the russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

²Senior lecturer, department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

¹jangap1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

²enikkareva@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

Abstract. One of the common motifs in contemporary prose for teenagers is overcoming the character's loneliness on the way to adulthood. On the basis of modern teenage prose works, emphasizing the failure of parents, the authors of the article focus on the images of substitute progenitors (grandmothers or grandfathers). The article examines the specifics of forming a model of relations between the generations: potential grandparents and grandchildren, which, by analogy with substitute parenting, the authors define as substitute grandparenting. In this case, the coming-of-age plot is realized as a narrative of searching for 'one's own' grandmother or 'one's own' grandfather, as an alternative to escapist discourse. The tendency of overcoming the dichotomy «one's own – someone else's» and forming the understanding of grandparenting as a value generally corresponds to modern socialization practices, where the search for a grandmother and/or grandfather for a child is gaining popularity, and foster families projects for the elderly are developing. The authors conclude that the plot of finding «one's own» progenitor as a variable plot model can be regarded as a way of presenting the progenitor text in Russian teenage prose, in which the conceptual-archetypal and axiological direction is embodied in specific imagery at the levels of plot and composition, chronotope, motivation, and other aspects of the literary discourse. The authors underline that the overcoming of the attitude to others (originally not their own) as strangers is realized in the works through adopting expressions and turns characteristic of the progenitors' speech by the successor grandchildren, through changing the system of names that show the warm attitude of the newly acquired relatives to each other, and through the plot.

Key words: progenitor text; axiological code; plot; substitute progenitor; V. Osheeva; A. Kashura; I. Danilova; A. Zenkova

The study was supported by grant № 25-28-01541 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-28-01541/>

For citation: Gaponova Zh. K., Nikkareva E. V. One's own «someone's grandmother»: the plot of finding the progenitor in modern Russian prose for children and teenagers. *Verhnevolzhski filological bulletin. 2025;(4):19–27. (In Russ.).* <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-19>. <https://elibrary.ru/UXECIT>

Введение. В современной прозе для подростков одним из распространенных сюжетных мотивов остается преодоление героем одиночества на пути взросления. Если в европейской литературе (например, Э. Куиперс «Я и Я», А. Бенджамин «Доклад о медузах», Дж. Доннелли «Революция» и др.) подросток в одиночку проходит инициацию (хотя рядом с ним могут находиться родные и / или друзья, учитель, но в момент совершения нравственного выбора герой оказывается один), то в русской культурной традиции в соответствии с формулой волшебной сказки героя должен сопровождать наставник. В целом ряде текстов отечественной литературы персонажем, в образе которого находит воплощение архетип Мудрого Старца, – персонификацией смысла и знания, необходимого в тот момент, когда «герой находится в безнадежном и отчаянном положении» [Юнг, 1997, с. 300], выступает один из прародителей (Д. Доцук «Голос» и др.). В то же время одним из проявлений кризиса современной – нуклеарной по преимуществу [Итоги ВПН 2020] – семьи становится разрыв межпоколенных связей, приводящий, с одной стороны, к тому, что прародители «исключаются» из состава семьи, не принимают участия в жизни внуков, а с другой – к явлению, определяемому психологами как депривация – ощущению дискомфорта, фрустрации из-за отсутствия возможности самореализации в роли бабу-

шек / дедушек [Янак, 2021, с. 54]. Социальные и этические аспекты конфликтных внутрисемейных взаимоотношений также находят отражение в современной литературе для детей и подростков (А. Зайцева, К. Комарова «По ту сторону кошки», А. Петрова «Бабушка дело такое» и др., И. Мышковая «Мальчики не плачут» и др.).

Однако в условиях трансформации представлений о традиционной семье в современной отечественной прозе для подростков активное развитие получает и еще один сюжет, в основе которого лежит попытка преодоления противоречия между объективной необходимостью получения помощи прародителей, пониманием их значимости, востребованностью среди современного поколения внуков таких прародительских ресурсов, как личностные (здравье, чувства, авторитет, родственные отношения и особенно время) и духовные (интеллектуальный ресурс, культурный ресурс, ценности) [Янак, 2021, с. 56], и доминированием в современном обществе немодальных семей. Неслучайно современная литература для подростков, высвечивая несостоительность родителей – их несамостоятельность или отсутствие [Горенинцева, 2017, с. 182], выдвигает на первый план прародителей (бабушку или дедушку) [Проблемное поле..., 2025, с. 46], роль которых в системе персонажей определяется уже не просто «необходимостью поддержки гендерного кон-

тракта „работающей матери”, как это было в советской литературе, но особенностями реализации прародительского кода – формированием ценностных установок в картине мира подростка, связанных с такими понятиями, как родина, память, в том числе историческая, семья, труд, человеколюбие, служение. Отмечаемая Н. В. Свitenko универсальность аксиологического подхода к исследованию литературы для подростков, предполагающего исследование художественного произведения как структуры, «элементы которой обусловлены совокупностью аксиологических факторов» [Цит. по: Свитецко, 2022, с. 38], позволяет применить именно этот подход к анализу произведений, в которых поднимается проблема экзистенциального сиротства подростков, а «подлинная близость ребенка и взрослого определяются по духовной линии» [Горенинцева, 2017, с. 178].

Выявление особенностей репрезентации в произведениях, рассматриваемых нами в рамках прародительского сверхтекста, сюжета поиска и обретения бабушки / дедушки, формирования особой модели отношений между поколением потенциальных прародителей и поколением внуков, которую по аналогии с замещающим родительством можно определить как замещающее прародительство, является целью данной статьи.

Прародительский текст как изначальная матрица представлений русского человека о прародителях, получающая репрезентацию в текстах культуры, описывается нами через систему инвариантных (лингвосемиотический, аксиологический, архетипический) и вариативных кодов (субурвней), выстраивающихся вокруг ядерных компонентов – *бабушка* и *дед / дедушка* – и обеспечивающих реализацию «максимальной смысловой установки» [Топоров, 2003, с. 27]. В то же время концептуально-архетипическая и аксиологическая направленность прародительского текста получает в современной литературе для детей и подростков конкретно-образное воплощение на сюжетно-композиционном, хронотическом, мотивном и др. уровнях развертывания художественного дискурса. Восприятие прародительства в детской и подростковой литературе зиждится на устойчивых для носителя русского языка ассоциативно-смысловых связях, повторяемых авторами произведений через реализацию определенного рода стратегии «обретения семейной идентичности» через посредническую роль бабушки или дедушки. Анализируемый сюжет поиска прародителя соотносится, таким образом, с вариативной

для отечественной литературы моделью репрезентации прародительства как обретения подростком (реже ребенком) замещающего прародителя и может быть рассмотрен как одна из форм диалектического освоения фундаментальной для русского национального сознания дилеммы «свой – чужой» [Галмагова, 2025; Неверович, 2016; Аниськина, 2017]. При этом за рамками статьи остаются произведения, сюжет которых развивается как формирование семейно-родовой идентичности в ситуации замещающей семьи (например, повесть Т. Михеевой «Легкие горы»).

Материалом статьи стали повести А. Кашуры «Мираморе» (Пять четвертей, 2021), А. Зеньковой «Те, кого не было» («КомпасГид», 2023), В. Ошевоевой «Будьте моей бабушкой» («Аквилегия-М», 2024) и рассказ В. Даниловой «Чужая бабушка» («Волчок», 2024), не исчерпывающие перечень произведений, в основе которых лежит сюжет поиска / обретения «своего» прародителя, но отражающие различные варианты его развития. При этом наиболее детально нами рассматривается повесть А. Кашуры, позволяющая показать специфику репрезентации данного сюжета в отечественной прозе для подростков.

Результаты исследования. В экспозиции повести Алёны Кашуры «Мираморе», опубликованной в 2021 г. издательством «Пять четвертей» и адресованной младшим подросткам, мы видим следование «рецепту» У. Старка из повести «Умеешь ли ты свистеть, Йоханна» – «...найти себе дедушку» в доме престарелых [Старк, 2018, с. 8]. Если выбор Берры определяется случаем («этот вполне подходящий»), то в основе выбора Миры – главной героини повести А. Кашуры – авантюрная ситуация узнавания «своего» дедушки по примете, признаку: «Она ... увидела старика! <...> Старик читал книгу, опершись подбородком на костишки пальцев. „Так делает мама, разбирая документы!“ – осенило Миру. А потом она заметила родимое пятно у старика на запястье и чуть не вскрикнула. Точно такое же пятно, в форме крупного кофейного зернышка, было и у мамы!» [Кашура, 2021, с. 13–14].

Основу сюжетно-фабульной организации повести А. Кашуры составляет совместное путешествие взрослого и ребенка, поэтому концептуализирующую роль в ней играют архетипические мотивы пути и дома [см. об этом: Гrimova, 2024, с. 12], формальная сторона которого реализуется в «сознательно предпринятом движении <...> по свободному пространству дороги в избранном направлении ради достижения поставленной це-

ли» [Колесов, 2014, с. 141], а содержание представляет собой духовное развитие героев-путешественников. Символически воплощенный в названии повести мотив исполнения заветного желания – путешествия к морю, которое старику подарила Мира, благодаря фонетической ассоциации с испанской фразой «*mí amor*» / «моя любовь» также отсылает к мотиву преодоления одиночества, обретения близкого, любимого человека.

Ориентированный на традиционную формулу сюжет путешествия (ход из дома, встречи на дороге, преодоление границ и препятствий, достижение цели, возвращение), усложняется за счет семантики бегства и цепи инициальных мотивов, а также за счет интерпретации событий относительно двух субъектов, позволяющей говорить об посвящении героя не как об испытании одиночеством, вопреки сложившейся в литературе традиции, но как об испытании умением быть вместе. Сюжетной мотивацией пути геройни является ее решение подарить дедушке на юбилей путешествие к морю, но, будучи реализовано в аспекте бегства («...не просто путешествие, а побег!» [Кашура, 2021, с. 19]), путешествие позволяет увидеть более глубокие причины: неблагополучие ребенка (психологическое одиночество, экзистенциальная утрата связи с матерью, отсутствие связи с предками) и неблагополучие взрослого (социальное и психологическое одиночество, неразрешенный конфликт с дочерью), стремление обоих преодолеть одиночество, обрести семью, дом: «дед-дом» и «одиночество в большой квартире», репрезентирующие идею псевдодома, противопоставлены настоящему дому с совместными ужинами и долгими разговорами. Таким образом, парадигма смыслов, актуализируемых в повести, определяется как семантической емкостью общекультурной мифологемы «путь» (жизнь / смерть, поиск, судьба и др.), так и произвольными, индивидуально-авторскими «смысловыми коррелятами» (например, переход от молчания к разговору, от экзистенциального сиротства к единению с семьей, пониманию своих близких) [см. об этом подробнее: Гапонова, 2024]. Наиболее востребованными ресурсами прародителя в повести, таким образом, оказываются время и чувства.

Акцент на прошлом, определяющем положение дел в настоящем, «удвоение» субъектов, с которыми связаны сюжетные мотивы утраты (ссора матери Миры со своим отцом и, как следствие, потеря дедушки Мирой; ссора деда Димы со своей дочерью) и последующего обретения,

позволяют говорить о характерном для русской литературной традиции – аксиологическом по преимуществу – варианте презентации конфликта отцов и детей: поступок ребенка приводит взрослого к переоценке ценностей, а эмоциональная привязанность друг к другу, совместное преодоление препятствий рассматриваются как более прочная, чем кровные узы, связь. Это подчеркивается тем, что ситуация узнавания трансформируется в finale повести в ситуацию ложного узнавания, что не меняет онтологического статуса персонажа, изначально воспринимаемого героиней Своим: «*Она не знала, как объяснить, что теперь любит его сильней, чем прежде. Как рассказать о тех ниточкиах, которые соединили их крепче любых кровных связей*» [Кашура, 2021, с. 175].

При этом обретение внучки важно для старика в той же степени, что и для героини обретение дедушки. Это позволяет ему не только реализоваться в семейной роли (в начале повести обитатели дома престарелых показаны как одинокие старики, но постепенно, знакомясь с их историями, читатель узнает, что практически у всех них есть семья), но и выполнить онтологическую миссию прародителя, корнями восходящую к архетипу Мудрого старца, – стать проводником и наставником героя-подростка в момент прохождения им инициации.

Сюжет совместного путешествия реализуется и в повести Валерии Ошеевой «Будьте моей бабушкой» (Аквилегия-М, 2024), однако в этой повести семейный конфликт приобретает еще большую остроту: главная героиня – четырнадцатилетняя Женя, потерявшая мать, – чувствует себя одиноко и в семье со старшей сестрой и отцом, который работает вахтами, и в школе. Однако, выбирая форму повествования от третьего лица и меняя от главы к главе фокального персонажа, В. Ошеева меняет точку зрения на описываемые события.

Уйдя из дома, она встречает «странную» бабушку Тамару Михайловну, сбежавшую из дома престарелых, куда ее определили сын с невесткой, став законными хозяевами квартиры. Образ «чужой» бабушки вербализован в повести через прилагательные со значением ‘странный’ («странная бабулька», «непонятной бабке» [Ошеева, 2024, с. 12–13], «странная старушка» [Ошеева, 2024, с. 23], «чудная бабка» [Ошеева, 2024, с. 23]), но по мере развертывания повествования авантюрный мотив случайной встречи, ставшей судьбоносной для обоих героев («Зачем-то бог тебя мне по-

стал» [Ошевеева, 2024, с. 26]), получает в повести развитие в мотиве обретения «родственной души», спасающей подростка в трудный период переосмыслиния ценностей: «Женя поймала себя на мысли, что ей нравится называть Тамару Михайловну бабушкой. Наверное, ей всегда не хватало такого человека рядом – готового пуститься с ней в любую авантюру. Человека, с которым всегда можно поболтать по душам» [Ошевеева, 2024, с. 245]. Однако если семейную историю Тамары Михайловны Женя реконструирует из разговоров со старушкой, в прошлом расписывавшей елочные игрушки на фабрике в Клину, то бабушка узнает историю Жени из сыгранного ею монодраматического спектакля, в котором звучат и стихи героини, до этого момента без атрибуции размещаемые в качестве эпиграфов к каждой главе. В этом монологе-исповеди героиня впервые отказывается от маски шута («Да, я играла шута. И это моя любимая роль» [Ошевеева, 2024, с. 16] – «у меня вместо сердца – // сквозная дыра, <...> я придворный дурак...» [Ошевеева, 2024, с. 11]) в пользу принятия своего собственного «Я». Ключевыми темами поэтических стихотворений Жени становятся чувство сиротства при живых родственниках, ощущение чуждости в собственном доме: «на летящем в пространстве шарике // день за днем и за годом год // задыхаются в мрачном мареве // миллиарды таких же сирот» [Ошевеева, 2024, с. 23]; «под одной мы кровлей, связанные кровью, только быть с тобою я не хочу» [Ошевеева, 2024, с. 42]. Мотив сиротства получает развитие в историях следователя Алексея, переживающего смерть матери, и отца Жени и Даши, выросшего в детском доме, – «вечного беглеца», не имеющего «ни малейшего представления, как общаться с собственными дочерьми» [Ошевеева, 2024, с. 256]. Система зеркал, умножая портреты: реальных (Тамара Михайловна бежит из геронтологического центра, Женя – из дома) и экзистенциальных беглецов (Александр выбирает работу вахтами, поскольку чувствует свою несостоительность как отец), позволяет говорить об эскапистском дискурсе повести, несостоительность которого показывает В. Ошевеева. Рецептом преодоления одиночества в повести становится любовь, признание героями своего права любить и быть любимыми, а также открыто говорить о своих чувствах.

Совместные приключения / испытания создают между Женей и Тамарой Михайловной неразрывную связь и прозвучавшее в начале пути предложение, вынесенное в заглавие книги – «Будьте моей бабушкой» [Ошевеева, 2024, с. 29], –

в финале наполняется ценностным содержанием: «Она не чужая. Она мне как бабушка» [Ошевеева, 2024, с. 261]. Ключевой особенностью повести является подчеркнутая агентность подростка: как и Мира в повести А. Кашуры, Женя обеспечивает их с Тамарой Михайловной движение к обозначенной цели – найти Семена Юрьевича. Встреча с «чужой» бабушкой позволяет подростку избавиться от чувства одиночества, перестать быть «обузой», каковой она чувствует себя рядом с сестрой. Ресурсность прародителя раскрывается в этой повести как личностная по преимуществу (время и чувства), однако рядом с Тамарой Михайловной героиня учится быть более открытой к людям, приобретая социализационный опыт, меняет отношение к своему поэтическому и актерскому таланту, начинает лучше понимать отца и сестру. В. Ошевеева, выстраивая психологический нарратив о подростке благодаря стихотворениям самой героини – эпиграфам к главам, расставляет акценты и в конце самого повествования: она оставляет открытый финал, когда Женя и пapa говорят друг другу о своей любви, пока героиня лежит в больнице. В эпилоге читатель знакомится с двумя письмами – бабушка пишет Жене, а Женя отвечает, при этом автор лишь несколькими словами подчеркивает, насколько значимо для подростка эпистолярное общение с Тамарой Михайловной: «Женя вприпрыжку бежала домой. Игорь настойчиво предлагал проводить ее, но сегодня Жене было не до поцелуев – она торопилась проверить почтовый ящик. Есть!» [Ошевеева, 2024, с. 263]. Важными оказываются и выбираемые героями подписи: «С горячим приветом, твоя бабушка, Т.М.» и «С любовью, ваша внучка Женя Елохина». Актуализация прародительского текста происходит во взаимном обретении родственников, формировании семейной идентичности подростком, возможности Тамары Михайловны быть бабушкой, а Жени – внучкой. Путь обретения себя героиня называет воскресением, подчеркивая значимость произошедшего с ней: «мой друг, сядь поближе, в зеленое кресло. // взгляни же скорее в глаза. // вчера я болела, сегодня – воскресла, в душе прекратилась гроза» [Ошевеева, 2024, с. 263].

Показателен и опубликованный в серии «Рассказы Волчка» рассказ Ирины Даниловой «Чужая бабушка», открывающийся фразой «Бабушка Зина мне вовсе никакая не бабушка. Просто меня к ней прошлым летом в деревню отправили. Потому что меня девать в городе было некуда, а своей дачи у нас нет. И бабушки своей тоже нет. Мамина мама давно умерла, я её даже не помню. А

папы у нас никогда и не было» [Данилова, 2024, с. 14]. Традиционная для отечественной литературы для детей ситуация «лето у бабушки» в начале рассказа иронически показана как скитания повествователя, которого «всё время отовсюду домой возвращали» [Данилова, 2024, с. 16], по дачам одноклассников и знакомство с их бабушками. Герой-недотепа, непривычный к деревенскому труду, постоянно попадает в комические ситуации, после которых его отправляют обратно в город, пока, наконец, не оказывается в деревне у Зинаиды Михайловны, которая не просто принимает его, но и способна оценить его доброе сердце и стремление быть полезным, помогать по хозяйству. Это движение навстречу друг другу, присвоение бабушки внуком в finale приводит к изменению номинаций: «*А мне от бабушки Зины письмо в конверте пришло через месяц. Она там писала, что нормальный внук бы спрашивать не додумался, можно или не можно*» [Данилова, 2024, с. 35]. После чего герой добровольно едет уже «к *своей* бабушке – снег помогать чистить» [Данилова, 2024, с. 36]. Роль прародителя в рассказе, таким образом, можно определить как приобретение героя социализационного опыта, однако ключевой особенностью презентации прародительского текста в отечественной литературе для подростков является его аксиологическая ориентация – формирование ценностного отношения к семье, своим обязанностям, межличностным отношениям. Мотив физической немощи стариков, которых герои встречают на своем пути, получает в этих произведениях презентацию в аспекте становления агентности героя (инициативность, умение принимать решения и брать на себя ответственность).

Сюжетную основу повести А. Зеньковой «Те, кого не было», опубликованной издательским домом «КомпасГид» в 2023 г., составляет ситуация, ориентированная на современные практики социализации, когда в обществе приобретает популярность поиск бабушки и / или дедушки для ребенка, развиваются проекты по созданию приемных семей для пожилых людей, а также проекты, направленные на межпоколенческое взаимодействие, например, «Бабушка на час» Досугового центра «Поколение». Изолированные на острове посреди моря одинокие дети и старики – участники социального «эксперимента» – постепенно становятся «своими» друг для друга: «*Берут сирот и стариков из дома престарелых. И объединяют. Получается, у детей появляются взрослые. А у взрослых – дети. В каком-то смысле – неверо-*

ятно! Потому что сироты – они же никому не нужны. А старики – тем более. А их делают нужными друг другу» [Зенькова, 2023, с. 79]. Поднимаемая автором проблема сиротства не только детей, но и взрослых («...надо написать о нас книгу. И назвать ее „Сироты“» [Зенькова, 2023, с. 138]), содержательно развернутая в мотивах бездомности и «бездомности», получает развитие в системе имен. Имя, реализуя функцию индекса, выполняет функцию идентификации и самоидентификации персонажа, участвует в формировании образа и характеристики субъектно-объектных отношений [Виноградова, 2001]. Смена нарраторов, а также изменение способа их маркирования в третьей части, когда персонаж, который в начале повести представлен читателю по фамилии Петрович, становится Дедом для Тоси и Алексеем Петровичем (хотя его отчество Сергеевич) для ее старшей сестры Леси, а девочка, представляющаяся в начале повести как Таисия Павловна, обретает домашнее имя Тося. Повесть демонстрирует еще один вариант развития исследуемого сюжета: процесс преодоления ди-хотомии «свой – чужой» показан как совместный (двухекторный) и постепенный процесс преодоления внутренних барьеров, изживания травм прошлого, обретения аксиологической установки на дальнейшую жизнь.

Удачно выбранный автором эпиграф – стихотворение американского поэта, комиксиста и музыканта Шела Сильверстайна «The Little Boy and the Old Man» в переводе Валентина Савина: «*Малыш сказал: „Я иногда роняю ложку“. // А дед в ответ: „Я тоже, милый ты мой крошка“. // Малыш шепнул: „Я писаюсь в штанишки“. // „И я“, – смеясь, ответил дед мальчишке. Малыш сказал: „Я часто плачу“. // Старик поддакнул: „Я тем паче“. // „Но хуже нет, – вздохнул малыш, бубня, – // когда большим нет дела до меня“. // Коснулась внука нежная рука. // „Я знаю“, – дрогнул голос старика*» [Зенькова, 2023, с. 8] подчеркивает в некотором смысле сходство старииков и детей, их чувств, переживаний ситуации вынужденного одиночества. Одна из основных функций эпиграфа состоит в том, что он «выступает в качестве средства организации смысловой структуры последующего текста» [Горенинцева, 2017, с. 31], который является своеобразной «развёрткой» эпиграфа или экспликацией подтекста, содержащегося в тексте-доноре [Шишкина, 2014, с. 36]. Автор выстраивает повествование как параллельные линии нескольких «больших» и «маленьких», пока еще «чужих» героев, демонстри-

руя сложные перипетии судеб и событий, которые в последней части сходятся в аксиологических точках, расставленных каждым из героев: «*Были бы люди, а дом найдется*» [Зенькова, 2023, с. 202]. Отношения героев описаны через метафору дома, который в повести определяется через присутствие близких людей: «*я – твой дом*» [Зенькова, 2023, с. 138]. Актуализируемые в парадоксальном названии повести – «Те, кого не было» – положительные и отрицательные коннотации не только отсылают к системе персонажей повести, заставляя читателей размышлять, о ком идет речь, но и выстраивают в заголовочно-финальном комплексе систему смыслов, определяемых глаголом *быть*: *быть* – ‘находиться’ (оставлять следы на песке), *быть* – ‘существовать’ («*Мы же есть, дед?*» [Зенькова, 2023, с. 202]) и *быть* – ‘жить для другого’ («*…я есть, потому что ты есть*» [Зенькова, 2023, с. 202]). Осознание смысла жизни, предназначения себя, веры друг в друга – то, что обретают герои повести.

С утилитарной функции прародительства (уход и присмотр) акцент смещается на духовную. Встреча «прапорителя» и «внука» – это поворотный момент в биографии обоих героев. Герой-подросток получает мудрого наставника, понимающего и принимающего подростка таким, какой он есть (В. Даниловой «Чужая бабушка»), а прародителю появление внука дает повод переосмыслить свою жизнь, исправить ошибки. Так, в повести А. Зеньковой социальный эксперимент по совместному проживанию детей-сирот и одиночных старииков позволяет ребенку чувствовать себя ребенком, а деду – осознать, что добровольное исключение себя из социума, намеренное ограничение жизни – путь тупиковый.

Ситуация обретения / присвоения бабушкой/дедушкой внука/внучки и наоборот явлена во всех произведениях двунаправленной: оба героя обретают члена семьи, и в этом обретении реализуется традиционная для прародителя миссия по передаче духовно-нравственного взгляда на мир, понимания семьи, своего места в мире, а для внука происходит присвоение такого взгляда как высшей ценности. Реализация прародительского кода через сюжет присвоения позволяет говорить о включении указанных произведений в прародительский сверхтекст с константами-прародителями и внуками-преемниками.

Заключение. Из социологической плоскости сюжет, репрезентирующий отношения детей и подростков и пожилых людей, выстраиваемые по

модели замещающего прародительства, в современной отечественной литературе для подростков выходит в аксиологическую плоскость. Так, интерпретация ценностно окрашенной оппозиции «свой – чужой» имеет тенденцию к преодолению и, развиваясь в аспекте «перевоплощения Чужого в Другого и Своего» [Неверович, 2016, с. 34], направлена на формирование представления о прародительстве как ценности, которая должна восприниматься в качестве таковой обоими героями. Важно подчеркнуть, что актуализация аксиологического кода в анализируемых произведениях позволяет нам рассматривать их в рамках прародительского текста. Функция бабушек и дедушек связана с их личностной (время и чувства по преимуществу), социальной (приобретение социализационного опыта) и духовной (ценности) ресурсностью. Описание совместного путешествия, выполнения домашней работы, во время которых между героем и прародителем происходят долгие разговоры, замедляет развитие действия, но позволяет обозначить границы своего «Я», выход за пределы которого становится важным шагом на пути взросления героя.

Особое внимание авторы уделяют этапу «присвоения», на котором возникает подлинная близость чужих по крови ребенка и взрослого, что позволяет старикам выполнять роль наставника в инициации героя. Преодоление отношения к Другому как к Чужому показано с помощью таких приемов, как:

- присвоение языка, характерных для прародителя выражений и оборотов речи;
- антропонимический код, представленный через изменение системы наименований, сближение с внутрисемейными именованиями (Мироша – деда Дима; Дед – Тася);
- сюжетно (сюжет совместного путешествия, сюжет совместной изоляции, когда, оказавшись в одном пространстве, герои проходят испытание умением быть рядом, и др.).

Роль замещающего прародителя как мудрого наставника, сопровождающего героя на пути взросления, поддерживающего его агентность, позволяющего осознать свое предназначение, наметить векторы дальнейшего развития, позволяет нам рассматривать сюжет обретения «своего» прародителя как вариативную модель репрезентации в отечественной прозе для подростков прародительского текста.

Библиографический список

1. Виноградова Н. В. Имя персонажа в художе-

ственном тексте (Функционально-семантическая типология). Тверь, 2001. 213 с.

2. Галмагова Г. М. Конструирование культурной идентичности в ценностно-смыслоевой системе «свой – чужой»: теоретико-методологические аспекты / Г. М. Галмагова, О. С. Красильникова // Общество: философия, история, культура. 2025. № 7(135). С. 27–33.

3. Гапонова Ж. К. «Возраст – он всегда переходный»: семантический комплекс путешествия в повести А. Кашуры «Мираморе» / Ж. К. Гапонова, Е. В. Никкарева // HOMO ITER: Путешествие как феномен культуры (Россия и Китай: научное сотрудничество «中俄学术合作»丛书). Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. С. 258–265.

4. Гилема А. В. Прародители в системе семейных отношений // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2024. № 3. С. 46–50.

5. Горениццева В. Н. Новая модель «значимого взрослого» во внутрисемейных отношениях (по материалам современной российской прозы для детей и подростков) / В. Н. Горениццева, А. Н. Губайдуллина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 176–187.

6. Гримова О. А. Мифологемы «дом» и «путь» в литературе для подростков / О. А. Гримова, А. Н. Юркова // Актуальные вопросы гуманитарных исследований : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской академии наук, Краснодар, 27 марта 2024 года. Краснодар : Издательство ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2024. С. 12–16.

7. Данилова И. Чужая бабушка // Читать вслух. Москва : Волчок, 2024. С. 14–36.

8. Зенькова А. Те, кого не было : для старшего школьного возраста. Москва : КомпасГид, 2023. 203 с.

9. Итоги ВПН-2020. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brike (дата обращения: 01.08.2025).

10. Кашура А. Мираморе : [для младшего и среднего школьного возраста]. Москва : Пять четвертей, 2021. 207 с.

11. Колесов В. В. Словарь русской ментальности : в 2 т. Т. 2 : П – Я. Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. 592 с.

12. Неверович Г. А. Архетипическая мифологема «свой / чужой / другой» в художественном мире детства деревенской прозы (В. П. Астафьев «Далекая и близкая сказка») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–2(58). С. 33–35.

13. Ошеева В. В. Будьте моей бабушкой : повесть. Москва : Аквилегия-М, 2025. 266 с.

14. Проблемное поле современной детскоЯношеской прозы: литературный обзор / Г. Н. Божкова, С. А. Софонова, А. Н. Шакирова, Э. И. Ахметзянова // Успехи гуманитарных наук. 2025. № 2. С. 43–49.

15. Свитенко Н. В. «Вольные» взрослые и «книченые» дети: проблемы нуклеарной семьи в современной прозе для подростков // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 5. С. 37–41.

16. Старк У. Умеешь ли ты свистеть, Йоханна? : [для младшего школьного возраста]. Москва : Самокат. 2018. 47 с.

17. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : избранные труды. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2003. 612 с.

18. Шевченко В. Д. Интерференция дискурсов в англоязычной публицистике. Санкт-Петербург, 2011. 39 с.

19. Шишкина М. В. Взаимодействие эпиграфа и текста-реципиента в русском поэтическом дискурсе конца XX – начала XXI в // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (32). С. 34–38.

20. Юнг К. Г. Душа и миф : Шесть архетипов. Москва : ЗАО «Совершенство» ; Киев : Порт-Рояль, 1997. 382 с.

21. Янак А. Л. «Нереализованные» бабушки и дедушки: прародительская ресурсность vs прародительская депривация // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1(57). С. 54–69.

Reference list

1. Vinogradova N. V. Imja personazha v hudozhestvennom tekste (Funktional'no-semanticeskaja tipologija) = A character's name in literary text (Functional-semantic typology). Tver', 2001. 213 s.

2. Galmagova G. M. Konstruirovaniye kul'turnoj identichnosti v cennostno-smyslovoj sisteme «svoj – chuzhoj»: teoretiko-metodologicheskie aspekty = Constructing cultural identity in the value-meaning system «one's own – someone else's»: theoretical and methodological aspects / G. M. Galmagova, O. S. Krasil'nikova // Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2025. № 7(135). С. 27–33.

3. Gaponova Zh. K. «Vozrast – on vsegda perehodnyj»: semanticeskij kompleks puteshestvija v povesti A. Kashury «Miramore» = «Age is always transitional»: the semantic complex of travel in A. Kashura's story «Miramore» / Zh. K. Gaponova, E. V. Nikkareva // HOMO ITER: Puteshestvie kak fenomen kul'tury (Rossija i Kitaj: nauchnoe sotrudnichestvo «中俄学术合作»丛书). Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2024. S. 258–265.

4. Gileva A. V. Praroditeli v sisteme semejnyh otnoshenij = Progenitors in the system of family relations // Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tehnologicheskogo universiteta. 2024. № 3. S. 46–50.

5. Goreninceva V. N. Novaja model' «znachimogo vzrosloga» vo vnutrisemejnyh otnoshenijah (po materialam sovremennoj rossiijskoj prozy dlja detej i podrostkov) = A new model of the «significant adult» in family relations (based on contemporary Russian prose for children and adolescents) / V. N. Goreninceva, A. N.

Gubajdullina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2017. № 50. S. 176–187.

6. Grimova O. A. Mifologemy «dom» i «put'» v literature dlja podrostkov = The mythologemes «home» and «way» in literature for adolescents / O. A. Grimova, A. N. Jurkova // Aktual'nye voprosy gumanitarnyh issledovanij : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashchennoj 300-letiju Rossiskoj akademii nauk, Krasnodar, 27 marta 2024 goda. Krasnodar : Izdatel'stvo FGBOU VO «KubGTU», 2024. S. 12–16.

7. Danilova I. Chuzhaja babushka = Someone else's grandmother // Chitat' vsluh. Moskva : Volchok, 2024. S. 14–36.

8. Zen'kova A. Te, kogo ne bylo : dlja starshego shkol'nogo vozrasta = Those who didn't exist : for high school children. Moskva : KompasGid, 2023. 203 s.

9. Itogi VPN-2020. Tom 2 Vozrastno-polovoj sostav i sostojanie v brake = Results of the VPN-2020. Volume 2 Age-sex structure and marital status // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (data obrashhenija: 01.08.2025).

10. Kashura A. Miramore = Miramore: [dlja mladshego i srednego shkol'nogo vozrasta]. Moskva : Pjat' chetvertej, 2021. 207 s.

11. Kolesov V. V. Slovar' russkoj mental'nosti = Dictionary of Russian mentality : v 2 t. T. 2 : P – Ja. Sankt-Peterburg : Zlatoust, 2014. 592 s.

12. Neverovich G. A. Arhetipicheskaja mifologema «svoj / chuzhoj / drugoj» v hudozhestvennom mire detstva derevenskoj prozy (V. P. Astaf'ev «Dalekaja i blizkaja skazka») = Archetypal mythologeme «own / alien / other» in the childhood fiction world of village prose (V. P. Astafiev's Distant and Close Tale) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 4–2(58). S. 33–35.

13. Osheeva V. V. Bud'te moej babushkoj = Be my granny : povest'. Moskva : Akvilegija-M, 2025. 266 c.

14. Problemnoe pole sovremennoj detsko-junosheskoy prozy: literaturnyj obzor = Problem field of contemporary children's and youth prose: a literary review / G. N. Bozhkova, S. A. Sofronova, A. N. Shakirova, Je. I. Ahmetzjanova // Uspehi gumanitarnyh nauk. 2025. № 2. S. 43–49

15. Svitenco N. V. «Vol'nye» vzroslye i «nichejnye» deti: problemy nuklearnoj sem'i v sovremennoj proze dlja podrostkov = «Free» adults and «nobody's» children: the problems of the nuclear family in contemporary teenage prose // Uspehi gumanitarnyh nauk. 2022. № 5. S. 37–41.

16. Stark U. Umeesh' li ty svistet', Johanna? = Can you whistle, Johanna? : [dlja mladshego shkol'nogo vozrasta]. Moskva : Samokat. 2018. 47 s.

17. Toporov V. N. Peterburgskij tekst russkoj literatury = Petersburg text in Russian literature : izbrannye trudy. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPB, 2003. 612 s.

18. Shevchenko V. D. Interferencija diskursov v anglojazychnoj publicistike = Discourse interference in English-language journalism. Sankt-Peterburg, 2011. 39 s.

19. Shishkina M. V. Vzaimodejstvie jepigrafa i teksta-recipienta v russkom pojeticcheskom diskurse konca XX – nachala XXI v. = Interaction of epigraph and recipient text in Russian poetic discourse of the late XX – early XXI century // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 5 (32). S. 34–38.

20. Jung K. G. Dusha i mif : Shest' arhetipov = Soul and myth : Six archetypes. Moskva : ZAO «Sovershenstvo» ; Kiev : Port-Rojal', 1997. 382 s.

21. Janak A. L. «Nerealizovannyje» babushki i de-dushki: praroditel'skaja resursnost' vs praroditel'skaja deprivacija = «Unrealized» grandparents: foreparent resourcefulness vs foreparental deprivation // Izvestija vyschih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki. 2021. № 1(57). S. 54–69.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 22.09.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025